

Мнение

Татьяна Воеводина

Приди и володей нами!

стр 2



Экономика

Михаил Хазин

Роль недвижимости в современной экономике

стр 3



Точка ру

ПОНЯТЬ ПРОШЛОЕ, ОСМЫСЛИТЬ НАСТОЯЩЕЕ, ПЛАНИРОВАТЬ БУДУЩЕЕ ...

№14
(50)
2010

понять историю



Рустем Вахитов

Народнические корни ленинизма

«Большевизм гораздо более традиционен, чем это принято думать, он согласен со своеобразием русского исторического процесса. Произошла русификация и ориентализация марксизма».

Н.А. Бердяев

В начале своей политической биографии Ленин был бескомпромиссным критиком народнической идеологии. Это было связано с тем, что первоначально русским марксистам пришлось выдержать жесткую конкуренцию с наследниками народников 1870-х годов, которые в глазах людей, приходивших тогда в революционное движение, были наследниками героев. В

марксистах видели лишь апологетов перехода России на «цивилизованные» капиталистические рельсы. Поскольку этот переход осуществлялся самодержавным государством, то такие рассуждения рассматривались как отказ от борьбы с самодержавием, как предательство наследия революционеров 1870-х. Ленину непременно нужно было доказать, что народни-

чество как идеология ложно, и что именно марксизм является теорией, без которой невозможно свергнуть царизм. Естественно, выполняя этот политический заказ, молодой Ленин, подобно подавляющему большинству политических писателей, не смог удержаться от преувеличений.

стр 4

политика

Израэль Шамир

Прощай, Страсбург!

Европейский суд по правам человека в Страсбурге обязал Россию импортировать с Запада... нет, не ядерные отходы, но нечто не менее ядовитое – гей-парады. Это решение – удар по суверенитету страны, и оно должно послужить для России поводом к выходу из этой, а заодно и из прочих европейских организаций.

стр 6



кинорецензия

Дмитрий Пучков

«Брестская крепость»

Год за годом населению в виде кино про Великую Отечественную войну подсовывают полную лопату дерьма — нате, ешьте. Производство этого дерьма спонсирует государство — именно оно в первую очередь заинтересовано в уничтожении исторической памяти народа. Ну а шестёрки от так называемой культуры тут как тут — вы только дайте бюджет порвать, а уж мы не подкачаем! В результате на экраны выходят разнообразные «Штрафбаты», «Сволочи», «Утопленные солнцем» и прочие помои.

Ну а тут вдруг совместный с белорусами фильм «Брестская крепость».



стр 8

три революции

Дмитрий Лысков

Меры по разрешению продовольственного кризиса: карточки, реквизиции, продразверстка

Глава 11.

С началом войны нарастающий продовольственный кризис стал одной из главных тем легальной печати. В прессе всех уровней — от губернской до

центральной — выдвигались рецепты преодоления возникшей нехватки продовольствия. Анализ общественного мнения на основании этих публикаций приводит Н. Д. Кондратьев в своем исследовании «Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции».

Для нас сегодня будет небезынтересно рассмотреть его выводы, хотя бы для понимания того, какой «ка-

питализм» был построен в России к 1914 году и насколько «капиталистичным» был общественный взгляд на пути разрешения возникших проблем. Впоследствии большевикам не раз поставят в вину

излишнюю централизацию и «огосударствление» всего и вся. Но нужно разобрататься и с альтернативой — как видела ее общественность царской России?

стр 7

Информацию о подписке и распространении можно узнать на сайте www.gazeta-to4ka.ru или по эл. почте redaktor@rossii.ru



Татьяна Воеводина

Приди и володей нами!

Продолжаю развивать некоторые соображения, высказанные мной в предыдущих статьях.

Мысль, собственно, проста: нашему народу нужен вождь, руководитель. Руководство ему нужно. Причём руководство повседневное и всестороннее. Иначе народ теряет и прекращает всякую разумную деятельность – дичает, одним словом.

В этом нет ничего удивительного и уникального: подавляющее большинство населения подлунного мира таково. Исключением как раз является противоположная ситуация – когда народ проявляет массовую способность к самоорганизации. Здесь определяющее слово – «массовую», потому что если способность не массовая, а представляет собой какое-то дивное исключение, на которое все кивают точно на музейный экспонат, то такое исключение на общее положение никак не повлияет.

Разные народы реагируют на внезапно сваливающуюся на голову свободу по-разному.

Иногда прекращение повседневного руководства приводит к полному разрушению жизни с возвращением на грань дикости и варварства. Иногда сохраняется какой-то внешний декор, но за хлипким фасадом – разруха и упадок. Первый вариант – в Зимбабве; я побывала там года полтора назад. Когда-то процветающая сельскохозяйственная страна, кормившая полконтинента, под влиянием свободы превратилась в криминальную и голодную пустыню с постоянной гиперинфляцией и всякими сопутствующими проблемами. Помню, возле гостиницы негр просил у всех туристов обувь – хоть какую-нибудь; мы оставили ему резиновые шлёпанцы. Это вариант жёсткий.

Наш вариант мягче, но особо обольщаться тоже не следует. Когда в 1991 году объявили свободу, заводы, в том числе очень сложные и передовые, массово стали уничтожать и превращать в склады и офисы. Промышленность гибла не предприятиями – целыми отраслями. Сейчас в это трудно поверить, но у нас в «совке» была вторая в мире станкостроительная промышленность (первая – в США), и мы даже экспортировали автоматические линии в ФРГ. Это не пошла коммунистическая пропаганда: я знаю человека, который ездил туда налаживать эти линии и осуществлять пред- и послепродажное обслуживание. И всё это было разрушено, т. к. оказалось невостребованным (любимое слово той поры). И понятно, что не востребовано: станкостроение ведь само по себе бесполезно. Оно нужно тем, кто создаёт технику, причем делает это массово и широким фронтом. Вот эта-то деятельность и была немедленно прекращена по получению вождественной свободы.

Безусловно, приводился миллион причин, по которым работать было невозможно, да и не нужно, не выгодно, контрпродуктивно – просто абсурдно было работать. На самом деле, при желании работать и производить никакая сила человека не остановит. И никаких особых условий ему не надо. Это как рисовать или сочинять – не нужно особых условий и какой-то специальной отмашки. Человек испытывает потребность в творческом или производительном труде – и работает. В этом проявляется его божественная сущность – потребность творить. Или не проявляется, как это случилось у нас.

Свобода у нас приводит не к интенсификации труда, не к расцвету деятельности, а к её прекращению. Когда-то буржуазные революции XVII-XVIII вв. расчищали феодальные препоны на пути развития капиталистического производства. Наши мечтатели грезили о чём-то подобном. Перестроечные газеты-журналы трубили: «О, дайте, дайте нам свободу, и тогда мы, освобождённые от гнусных бюрократических пут, заинтересованные и инициативные, устремимся в голубые дали прогресса и процветания». Ну и что? Впрочем, вы и сами знаете, что: упадок и деградация по всем направлениям. «Свободный труд свободно собравшихся людей» не состоялся. И даже не то плохо, что развалились заводы и фабрики, – их можно и заново построить. Гораздо хуже то, что произошла деградация самого народа, его трудовых навыков и умственных качеств: был народ учёных, инженеров и квалифицированных рабочих, а превратился в народ мелких торговцев, менял и разнокалиберных клоунов, ну и вдобавок нерасчлещённого низшего класса, в который трансформировались рабочие и колхозники.

Нашему человеку нужна некая внешняя сила, которая бы его приставила к делу, указала, куда и зачем идти, раздала всем задания. Вот на этих условиях русский человек может трудиться. Выдающиеся успехи, как ни крути, были достигнуты именно тогда, когда всё было организовано именно так.

У каждого народа, как и у каждого человека, свой характер, душа. Развёртывание характера во времени – это судьба. Народа или человека. Никто не удивляется, что, положим, не каждый труженик может быть фрилансером, а многие предпочитают работать на месте и за зарплату. Он хороший работник, но только в том случае, если ему укажут, что делать, и дадут задание, а не дадут – глядишь, и сопётся.

Точно так и народ. Наш человек вообще любит полагаться на внешнюю силу, помещать источник жизни вне себя, где-то над собой. Это может быть царь, «вечно живое революционное учение», тов. Сталин... Мне рассказывали, что был такой стишок в букваре: «Бьют часы двенадцать раз – Сталин думает о нас». Народная фантазия породила образ: ночь, все спят, а в Кремле горит свет в одном окне. Это Сталин сидит за столом и думает, пишет, как нам правильно жить. Такая была (и есть) потребность народной души. «Есть» – потому что никуда она не делась: душа меняется крайне медленно, на протяжении веков.

Если бы такой потребности не было, мы бы не ждали, как Ассоль алые паруса, пресловутых иностранных инвесторов. Вот они придут, вот они всё наладят, а пока их нет – что ж вы от нас хотите?

Вообще, ждать какого-то неопределённого «немца», который всё наладит, – это очень по-нашему, по-обломовски. У Обломова ведь в самый неприятный и провальный момент появился Штольц и всё налаживал, а Илья Ильич продолжал лежать на диване. Вот мы массово и верим, что такие Штольцы понаедут к нам поднимать промышленность и науку. Только вот зачем им это нужно – непонятно. И ещё одна деталь: обломовский немец Штольц искренне любил Илью Ильича и действовал в ЕГО интересах, а инвесторы таких чувств не имеют и будут действовать в своих интересах. Которые совершенно не обязательно совпадут с нашими.

В любом случае, наш человек любит полагаться на внешнюю силу, а не на себя. Часто этой внешней силой выступает заграница. А что вы хотите, если первым историческим поступком нашего народа было призвание варягов? Или не было этого? Вполне возможно, что и не было, а, может, варяги были чем-то вроде третейских судей или внешних управляющих? Пусть так, но сама идея была. И выражала она глубоко коренящуюся в душе народную мечту: кто-то придёт и всё наладит. Это желание избежать действия в первом лице, принятия на себя полной ответственности за происходящее: «Мы люди маленькие, от нас ничего не зависит, это всё они, а мы-то что, мы не при чём».

В. О. Ключевский заметил: «Прежде мы были холопами чужой веры (византийской), а теперь стали холопами чужой мысли (европейской)». Это очень верно. В нашем народе есть выраженное стремление возложить своё дело на кого-то другого, в том числе и ДЕЛО МЫСЛИ, обдумывания собственного пути. Достаточно напомнить, что и «вечно живое революционное учение» было иностранным по происхождению. Особенно пикантно то, что сам Карл Маркс Россию не любил и считал, что его учение к ней не применимо. Когда сквырнули и по-холопски оплевали «вечно живое», оно в сей же час заменилось американскими неолиберальными верованиями, почерпнутыми у мудрецов из Мирового Банка. Но никто из наших деятелей не дерзнул сказать, даже и подумать-то не дерзнул: «Вот мы тут с товарищами посоветовались и решили, что жить нам надо так».

Это плохо? Ужасно? Повод для пессимизма и отчаяния?

По-моему, вовсе нет. Просто такой факт имеет место. Такой уж у нас характер. И совершенно не требуется посыпать голову пеплом. Требуется другое – иметь это в виду. Принять это обстоятельство за некий фактор, который следует учитывать при организации жизни. Тем более, что не мы одни такие. Густав Лебон, дедушка социальной психологии, знаменитый автор «Психологии народов и рас», говорил, что и его соотечественники обожают перекладывать свои дела на госу-

дарство. По мнению этого тонкого знатока народной души, склонность возложить свои дела на государство объединяет и крайних монархистов, и крайних социалистов. Потому что те и другие – французы, а французская душа требует государства, которое заведует всеми сторонами жизни. Франция, в самом деле, славится своей могучей и разветвлённой бюрократией.

Так что мы не одни. Правда, французы, похоже, всё-таки предпочитают полагаться на СВОЁ государство, а мы в иные моменты готовы и на чужое возложиться. Да даже были бы мы одни – какая разница? Такой мы народ, такой у нас характер, такая, надо полагать, генетика. Переделать её нельзя, а вот строить жизнь с учётом этого фактора – можно.

Если у нас есть потребность в какой-то внешней силе, которая всё организует и всех приставит к делу, значит, она должна быть налицо. Значит, нам нужна система социалистического типа. Более того – тоталитарного типа. Где бы каждый знал «своё место и своё тягло». Если мы хотим выбраться из той исторической ямы, в которой находимся, нам нужна плановая экономика – с её адресными заданиями, ресурсами под эти задания, с межотраслевыми балансами и всем прочим, что сопутствует плановой экономике. План – это вообще могучая сила; люди, имеющие и выполняющие жизненный план, редки и очень успешны независимо от личных дарований и внешних обстоятельств.

Сейчас принято считать, что плановая экономика никуда не годится, а в свое время блистательно провалилась. Помню, при советской власти был в ходу такой анекдот. Парад на Красной площади: танки, ракеты, а вслед идёт десяток мужчин в штатском. «Кто это такие?» – в изумлении спрашивают иностранцы. – «Это работники Госплана. Они способны развалить то, что и ракетам не под силу». Анекдот несмешной, но рассказывали его часто. Имелось в виду, что деятельность Госплана вредна и разрушительна. Но на самом деле этот же анекдот можно толковать и с точностью до наоборот: планирование сильнее ракет. Как оно и есть на самом деле.

Реальное планирование в Советском Союзе не было идеальным, возможно, оно не было даже и качественным. Но следует помнить, что вся техническая инфраструктура страны была создана именно при нём и благодаря ему. Нефть и газ так бы и лежали на своих местах под землёй, если бы не была создана система их добычи и доставки. Это было сделано силами Госплана, министерств, ведомств и т.п. Великая свободная экономика работает только на подержание, да и то поддерживает очень плохо. Личная инициатива у нас полностью сосредоточилась на создании финансовых схем, распилов бюджетов, ну и кое-какой торговли.

Можно ли совместить государственный план и частную инициативу? Мне кажется, возможно. Розничная торговля, общественное питание, коммунальное обслуживание, переработка сельхозсырья – всё это естественное поле приложения частной инициативы. Об этом в самые заскорузлые времена думали самые убеждённые коммунисты. Идея горбачёвских кооперативов возникла, думаю, гораздо раньше, чем их дозволили. Просто никто не хотел рисковать, высываться и вообще «чинить, что не сломалось». В этом проявилась обломовщина и умственная лень государственного руководства.

Нашей российской свободе уже двадцать лет. Уже нельзя сказать, что прошло слишком мало времени – вот подождите, и всё образуется. Не образуется. Не образуется потому, что безбрежная экономическая свобода не соответствует нашему народному характеру, нашей душе.

Если народной душе требуется внешняя высшая сила, так пусть она будет национально ориентированной, а не состоящей на службе у ещё более внешней – иностранной силы. Нашему народу нужен царь-отец (как бы он ни назывался – государство, партия, тов. Сталин...), который бы всё знал, всем всё указывал и расставлял всех по местам. Совершенно не заслуженная народная любовь к первым лицам государства коренится именно в этой потребности, а вовсе не в делах этих первых лиц.

Без этой внешней, организующей, руководящей и направляющей силы жизнь нашего народа усыхает, скукоживается, становится примитивной. Что мы и наблюдаем повседневно.

domestic-lynx.livejournal.com



Михаил Хазин Роль недвижимости в современной экономике

Сегодня мы будем говорить о недвижимости. В прошлый раз мы уже отмечали, что у монетаристов принципиально иной подход, чем у тех, кто занимается реальной экономикой. В реальной экономике многие вещи связаны крайне сложным образом. А монетаристский метод изучения требуется при написании математической модели, и чем меньше в ней параметров, тем легче её изучать. А если этих параметров становится слишком много (хотя бы три-четыре), то модель становится абсолютно не изучаемой, слишком сложной.

Для того, чтобы говорить о недвижимости, нужно затрагивать чрезвычайно много сложных моментов. Например, одной из основных претензий, предъявлявшихся московскому руководству, была проблема недвижимости – некачественной, очень дорогой, и, самое главное, её стоимость не имела никакого отношения к реальным возможностям покупателей. Иными словами, в ситуации кризиса цены на недвижимость, конечно, снизились, но по-прежнему оставались настолько высокими, что большинство москвичей и подумать не могли о том, чтобы купить квартиру с нуля. В лучшем случае они могли рассуждать о небольшом улучшении жилищных условий. Возникает вопрос – что это? Случайность или вредительство? Или результат какой-то закономерности?

На самом деле, это результат очень сложных экономических процессов, хотя, конечно же, было и вредительство, и воровство, и всё остальное. Но тем не менее общая тенденция высоких цен на недвижимость является следствием той экономической модели, которая сегодня «правит бал» в мире. В нашей стране она начала складываться с начала 1990-х годов, ну а в мире – еще с начала 1980-х.

В качестве примера можно привести ещё один случай, хотя, казалось бы, формально он не имеет отношения к делу. Что сегодня является самой главной новостью из Европы? Это постоянные демонстрации. Не так давно – в Греции, сегодня – во Франции. Совершенно очевидно, что демонстрации и протесты будут проводиться и в других странах Европы. Суть этих демонстраций с точки зрения здравого смысла не очень ясна. Люди протестуют против изменения законов, которые ущемляют их права в области получения социальных выплат. Отметим, что в нашей стране социальные выплаты также уменьшаются: например, сокращается размер пособий по нетрудоспособности, грубо говоря – больничных. Но у нас никто на улицу не выходит. А в Европе – выходят. И с точки зрения здравого смысла это – бред. Но если нет денег? Да, конечно, в законе написано, что государство должно гражданину, предположим, сто рублей, евро или франков. Но если у государства есть всего восемьдесят, будет ли гражданин против этого протестовать? Нет, не будет – всё равно больше восьмидесяти не заплатят.

Почему же в Европе продолжают выступать с демонстрациями? Имеется ли в этом какой-то смысл? На самом деле смысл имеется: дело в том, что до начала 1980-х годов в мире существовала кредитная модель, которая предполагала, что заёмщик будет возвращать деньги из своих доходов. Иными словами, если у человека была зарплата 100 рублей, и он мог в месяц отложить три рубля, то давать ему кредит, который предполагал бы выплат в год больше, чем на 36 рублей, считалось правильным. Так как все понимали, что он этот кредит, скорее всего, не отдаст. Значит, и смысла в этом особого нет.

Однако с начала 1980-х годов модель принципиально изменилась. Гражданин был предложен несколько другая схема: было сделано публичное предложение – мы даём вам денег, грубо говоря, столько, сколько вы захотите. А вы их будете тратить на те товары, которые мы производим. Главное, что от вас требуется – чтобы у вас хватило текущих денег на оплату процентов.

«А как же возвращать кредит?» – спрашивают граждане. «А это не принципиально, – ответили им, – Мы выдадим вам следующий кредит, и из него вы будете возвращать предыдущий».

Схема кредитования принципиально изменилась. Она стала основываться на перекредитовании основного долга. И такая модель начала действовать всюду, причём не только для домохозяйств, то есть для граждан, но и для корпораций, и для государств. Соответственно, общий объём долгов стал стремительно расти. Для США, которым эта статистика хорошо известна (причем нужно учесть, что США – это мотор современной экономики, поэтому их экономика является сегодня определяющей), эта величина увеличилась в два с лишним раза. Долг домохозяйств с 50-60% по отношению к годовому доходу вырос до уровня 130% и даже больше. Отметим, что это намного

больше, чем долги Греции на начало пресловутого долгового кризиса.

Но мало того, что за это время существенно вырос объём долгов (у государств он, кстати, тоже очень сильно вырос, что мы видим на примере Греции, США и многих других стран) – главное в другом. Для того, чтобы выдавать кредит людям, у которых нет чёткого объяснения, как они будут его отдавать, нужно искать какое-то новое обоснование. Давайте вспомним: пресловутая ипотека в США под самый конец пузыря, то есть в 2007 – начале 2008 гг. Ипотечные кредиты выдавались бездомным неграм. Почему же им можно было выдавать кредит? Да потому, что банки принципиально изменили подход к обоснованию выдачи кредита: раньше они изучали бизнес-планы, финансовое состояние заёмщика (если это было физическое лицо), сколько он получает, достаточно ли прочно он находится на работе и т.д., и т.п. А теперь для них принципиальным моментом стало наличие залога.

Это очень важная вещь. Если основные подразделения банков до начала 1980-х годов занимались тем, что отслеживали качество бизнес-проектов заёмщиков и то, как они исполняются, то теперь никому не интересно, а если вообще у заёмщика бизнес-проект, или он его скачал из Интернета и просто принёс в банк. Главное теперь – может ли он что-то заложить.

Как следствие, для такой модели, которая предполагала постоянный рост денежной массы, это ускоренное кредитование осуществлялось за счёт эмиссии денег. Ключевой момент в этом процессе – чтобы залоговые активы росли и были при этом у всех. Самый оптимальный залоговый актив – это недвижимость, а также частично ценные бумаги, но они больше подходят для корпоративных заёмщиков.

Начиная с 1980-х годов, существенная часть выдаваемых кредитов направлялась в сектор недвижимости, и принципиальным моментом было увеличение стоимости недвижимости как залога, под который можно взять новый кредит.

Организациям или людям, для которых спекуляция является основой деятельности, совершенно не важно, сколько стоит недвижимость. Ведь сколько бы она ни стоила, её можно купить, предварительно взяв кредит, а после этого, подождав, когда она ещё чуть-чуть вырастет в цене, заложить снова и получить новые дополнительные деньги.

Действительно, в конце надувания пузыря (в 2007 – 2008 году) в той же Москве количество покупателей недвижимости, то есть тех людей, которые покупали недвижимость для себя, становилось всё меньше и меньше. Доля инвестиционных квартир составляла сначала 20%, потом 30, 40%. Основной вопрос, который при этом возникает – если люди покупают квартиры для того, чтобы их заложить, им необходимо два эффекта: первый – чтобы росли цены, и второй – им совершенно наплевать, какое абсолютное значение этих цен.

Именно этот механизм и лежал в основе роста цен на недвижимость во всём мире, и в нашей стране в частности. Никому не было интересно, есть ли на эти квартиры покупатели, готовые в них жить. Кроме того, в России этот процесс был сильно усугублён тем, что у нас невероятно низкая ставка налога на недвижимость. Иными словами, держать квартиру можно бесконечно долго, при этом практически ничего не тратя. А какие-то небольшие деньги (относительно стоимости квартиры) на коммунальные услуги можно получать, сдавая часть своих квартир или занимаясь другим видом деятельности.

Этот механизм портит всю систему отношений в сфере недвижимости. С началом кризиса ситуация стала кардинально меняться. Как вы понимаете, до тех пор, пока эта недвижимость была залогом (а залогом она была не только в наших и даже не столько в наших, сколько в иностранных банках), на рынок приходило большое количество иностранных инвесторов. Для них в условиях ускоренного роста денежной массы, теоретически высокой инфляции было точно так же важно находить новые активы, которые можно использовать в качестве залога. Этот большой финансовый поток во многом обеспечивал финансовый поток московского бюджета.

Теперь же ситуация изменилась. Недвижимость ещё может выступать в качестве залога, но стоимость её не растёт. Если говорить более точно, она сначала падала, а потом начала расти, хотя это очевидно, потому что точной статистики на самом деле никто не знает. Даже если предположить, что стоимость недвижимости чуть-чуть растёт, этот

рост неустойчивый. Все прекрасно понимают, что как только начнётся, например, падение мировых цен на нефть, она снова пойдёт вниз. А цены по-прежнему слишком высоки для того, чтобы на рынок недвижимости в массовом порядке пришёл конечный покупатель, который в этих квартирах собирается жить.

Это – наиболее сложный вопрос, который сегодня стоит перед новым московским руководством. Москва «съедает» колоссальное количество денег. Ей нужен более-менее постоянный, фиксированный, устойчивый поток, который пополнял бы бюджет. Раньше он шёл во многом из сектора недвижимости. А сегодня? Откуда мэрия возьмёт в свой бюджет столько денег, сколько раньше шло в сектор недвижимости?

Иностранному инвестору в этот рынок больше не пойдёт, потому что цены по-прежнему завышены, потому что продать эти квартиры нельзя. Инвестор всё больше и больше начинает рассматривать квартиры не как залоговый инструмент, а как товар, который должен продаваться на рынке. А продать то, что сегодня строится в Москве, эти неотремонтированные бетоно-метры, с колоссальными техническими недочётами, с чрезвычайно плохой службой обеспечения, абсолютно невозможно. С точки зрения западного инвестора – это вообще не товар, и не очень понятно, как с ним работать.

И что в этой ситуации будет делать московская мэрия, тоже пока непонятно. С точки зрения здравого смысла необходимо менять сам подход к сектору недвижимости.

Но не зря Ресин остался первым заместителем мэра. Этот человек несёт ответственность перед всеми многочисленными инвесторами, которые вложили в Москву деньги за последние 15-20 лет. И он отвечает за то, чтоб эти деньги были возвращены.

Обращаю внимание. На самом деле инвесторы получили эти деньги, заложив ту недвижимость, которую они имеют, и получили они их в виде кредитов. Но, в конце концов, и кредиты нужно возвращать. Как они будут выходить из этой ситуации – абсолютно непонятно. Но до принципиальной реструктуризации и радикального изменения подхода к работе с недвижимостью в Москве что-либо изменить к лучшему не получится. Это сегодня, на мой взгляд, – главная проблема нового московского руководства.

Отвечу также на несколько вопросов, которые мне пришли:

- Три человека в 1990-е годы вложили свои ваучеры в «Московскую недвижимость». Можем ли мы сейчас получить обратно свои ваучеры, или, может быть, мы уже миллионеры?

- Не так давно отцы-основатели нашей приватизации вели неспешный разговор друг с другом. Один из них сказал, что вся приватизация была механизмом, с помощью которого советских граждан лишали чувства справедливости, чтобы у них не возникало разных иллюзий по поводу новой власти. Поэтому я склонен считать, что ни денег, ни ваучеров вы назад уже не получите – это было радикальным принципом новой российской экономической системы. И вряд ли здесь можно что-то сделать.

- Отвечает ли банк за развитие кредитующей им отрасли экономики?

- Нет. Банк отвечает за одну единственную вещь – за то, чтобы вернуть обратно вложенные им деньги с прибылью. Но иногда владельцы банка и за это не хотят отвечать. Их задача – получить откаты и затем обанкротить банк. Это была довольно частая схема в 1990-е годы. В условиях кризиса она часто возвращается, поэтому нужно внимательно за этим следить.

- Цены на квартиры в принципе должны падать, и государство должно это дело подтолкнуть.

- Я уже говорил о том, что государство подтолкнуть это дело не может. Мы видим на примере Москвы – новый мэр оставил человека, который отвечает за то, чтобы цены не падали. Ровно потому, что он не хочет острых конфликтов. И в этом смысле я не думаю, что в ближайшее время (полгода, год, может быть, даже два) цены бы сильно упали. Что касается вложения как способа сохранить деньги, то сегодня мне это кажется крайне сомнительным. Это хорошо видно на примере тех же Соединённых Штатов Америки. Хотя в этом аспекте мы отличаемся от них тем, что у нас практически нет налога на недвижимость в их смысле этого слова.



Рустем Вахитов

Народнические корни ленинизма

Так, в «Развитии капитализма в России» Ленин, в сущности, утверждал, что никакого крестьянства с его общинным духом уже не существует, в России уже совершился переход к капитализму, в том числе и на селе, которое уже расколото на сельскую буржуазию и сельский пролетариат. Более того, молодой Ленин был убежден, что в российском земледелии к началу XX века уже произошел технический переворот, и «Россия сохи и цепа, водяной мельницы и ручного ткацкого станка стала быстро превращаться в Россию плуга и молотилки, паровой мельницы и парового ткацкого станка». Конечно, в свете такой оценки народники и их наследники эсеры представляли наивными мечтателями. На повестке дня, по молодому Ленину, не борьба крестьян с самодержавным государством, а борьба городского и сельского пролетариата против капитализма, что выдвигает марксистов как идеологов и вожakov пролетариата на первый план в революционном движении.

Однако не прошло и нескольких лет, как суровый обличитель народничества... сам удостоился упреков в народничестве...

Во время революции 1905-1907 годов взгляды меньшевиков и большевиков значительно разошлись. Меньшевики исходили из оценки первой русской революции как классической буржуазной, подобной тем, что на Западе произошли в XVII-XVIII веках. В связи с этим они считали основным двигателем революции либеральную буржуазию, а пролетариат и социал-демократическую партию – естественными союзниками буржуазии. На крестьянство Плеханов смотрел так же, как и тогдашние европейские марксисты, – как на реакционный, забитый, невежественный слой населения, обреченный на исчезновение с развитием капитализма, понимающий это и потому боящийся прогресса и выступающий как опора реакционных консервативных политиков. Собственно, к таким позициям был близок и ранний Ленин. Но в 1905-1906 гг. Ленин неожиданно выступил с утверждением, что крестьянство является революционной силой, и что именно оно, а не либеральная буржуазия – союзник пролетариата в антифеодальной революции. «...Пролетариат может и должен идти с крестьянством, не доверяя колеблющейся, предательской, переменной либеральной буржуазии», – провозгласил он. Ленин даже предлагал привлечь крестьян взять на вооружение выработанный народниками лозунг «Земля и воля!» и вступить в союз с эсерами как с партией, представляющей интересы крестьян. «Эсеры как выразители стихийных стремлений крестьянства, – писал вчерашний ниспровергатель эсеров и народников, – часть именно той широкой могучей революционной демократии, без которой пролетариат не может и думать о полной победе нашей революции». Это выглядело настолько экстравагантно, что не нашло понимания даже у некоторых большевиков. Ведь еще несколько лет назад Ленин в «Развитии капитализма в России» доказывал, что капитализм в России уже уничтожил крестьянство, что на самом деле деревня уже расколосилась на батраков и кулаков, что рассматривать крестьянство как самостоятельную силу наивно. Что же говорить о меньшевиках, которые просто высмеяли Ленина. Плеханов на съезде партии в лицо бросил Ленину обвинение в народничестве и «эсерошине».

Что же побудило Ленина так резко поменять свои позиции? Ответ прост: сама русская действительность. Ленин обладал острым политическим глазомером и способностью трезво оценивать факты, даже если они не согласуются с теорией. Крестьянство в 1905 году восстало во всей центральной России целиком, как сословие, а не как сельские батраки-пролетарии, и эти бунты были такими мощными, что правительству пришлось подавлять их при помощи армии. Фактически в 1905-1906 гг. в России бушевала настоящая крестьянская война с захватами помещичьих земель, сожжениями усадеб и убийствами помещиков и членов их семей. Буржуазия и либералы же в 1905 году удовлетворились кучками свободными, которые дал царский манифест 17 октября, их революционной активности хватило лишь на спички за обедами и на завуалированную осторожную критику в легальных газетах. Народники оказались правы в своих утверждениях о том, что крестьянство – револю-

ционная сила, и что русская буржуазия – сила ненадежная, колеблющаяся, склонная к соглашению с самодержавным режимом. Плеханов и меньшевики просто не хотели признавать эти факты и продолжали повторять свои прежние утверждения о реакционности крестьянства, будто от этого реальность могла измениться. Ленин же попытался объяснить этот факт, исходя из теории марксизма. Для этого он создал концепцию революционности мелкой буржуазии.

По Ленину 1905 года русское крестьянство в основе своей – класс мелкой буржуазии. Именно мелкая буржуазия по Ленину заинтересована более всего в уничтожении остатков феодализма и крепостничества, т. е. помещичье-дворянского землевладения и самодержавия. Пускай она при этом и тешит себя идеологическими иллюзиями об общинной земле и добром царе, но на деле она стремится к установлению самой широкой демократии и, прежде всего, местного самоуправления и свободного приобретения земли для ее сельскохозяйственной обработки. В то же время русская крупная буржуазия слишком слаба, тесно связана с самодержавным государством и с классом помещиков. Она заинтересована не в революции, а в незначительном смягчении политического строя, и отсюда следует соглашательская политика ее политических представителей – кадетов: «Либералы, кадеты и т.п. представляют буржуазию, вынужденную условиями ее существования искать сделки со старой властью...».

Пересмотр Лениным отношения к крестьянству был не просто тактической уловкой. Это было продолжение дрейфа взглядов Ленина в сторону особого, незападного, русского марксизма, переключившегося с некоторыми положениями русского народничества. Это показало будущее.

Следующий этап эволюции «марксистского народничества» Ленина – создание им своеобразной версии теории империализма и выдвигание лозунга о смычке борьбы за социализм и национально-освободительной борьбы в колониях. В сущности все это было развитием его концепции о революционности мелкой буржуазии, но перенесенной в сферу отношений между цивилизациями.

Автор западной теории империализма К. Каутский считал, что империализм – лишь переходная ступень к новой фазе развития капитализма – ультраимпериализму, при которой финансовый капитал достигнет в странах Запада такой тесной концентрации, что переход к социализму уже не потребует кровавой революции и произойдет эволюционным, демократическим путем. Ленин правильно подметил, что при всей своей критике империализма Каутский считал его, в сущности, еще одним шагом по пути социального прогресса, который завершится победой социализма. И хотя на словах Каутский сочувствовал национально-освободительным движениям колониальных стран, из его логики следовало, что эти движения реакционны, поскольку они представляют только зародившийся, еще не развившийся капитализм, который, конечно, по уровню цивилизованности много ниже капитализма высоко развитого, европейского. Объективно, по Каутскому, национально-освободительные движения в колониальных странах тормозят движение человечества к социализму, потому что мешают развитию западного капитализма до такой стадии, когда внутри него начнет вызревать социалистический строй. Стремясь уничтожить империализм, национально-освободительные движения лишают Запад возможности перейти к стадии ультраимпериализма, и тем самым ставят крест на социалистической перспективе Запада и всего человечества. По сути, Каутский развивал идеи Маркса о том, что социалистическая революция может произойти только в странах Запада, где капитализм развился до таких высот, что исчерпал все свои внутренние возможности, но при этом дополнял Маркса учением о мирном демократическом переходе к социализму (впрочем, в определенной степени это учение было намечено уже у позднего Энгельса).

Позиция Ленина была принципиально иной. По Ленину, европейский западный капитализм уже перестал играть прогрессивную роль в истории, характерную для него в XVII-XIX веках, когда за

счет капиталистического производства в Европе произошла модернизация и индустриализация. Западный капитализм XX века стал спекулятивным, ростовщическим, банковским, реакционным, который не способствует социальному прогрессу, а лишь занимается грабежом колониальных стран, лишая их возможности какого бы то ни было развития, в том числе и капиталистического. Вследствие этого сами по себе западный пролетариат и возглавляющие его социал-демократические партии не способны произвести социалистический переворот. Западный пролетариат, добившийся достаточно высокого уровня материального благосостояния, не желает с ним расставаться ради туманной перспективы всеобщего благополучия при социализме. В свою очередь, западная социал-демократия, теоретически обосновывая эти настроения, откровенно переходит к теориям классового мира и даже способна поддержать национальные буржуазии в военной борьбе за передел мира. Ленин пришел к выводу, что запалом к мировому революционному взрыву послужит не пролетарская революция в странах Запада, как полагал Маркс, а национально-освободительные революции в странах отсталого капитализма, сохранивших огромный аграрный сектор, таких как Россия и страны Азии. Эти революции будут произведены пролетариатом в союзе с революционной «мелкой буржуазией», прежде всего, крестьянством, которое составляет большую часть населения названных стран. Данные революции взорвут империализм, так сказать, снизу, а не сверху, и, лишив западный пролетариат его материального комфорта, пробудят его революционность. Таким образом, авангардом борьбы за мировой социализм, уверен Ленин, становится Азия и страны восточной Европы, прежде всего, Россия. Особенно ярко Ленин сказал об этом в статье с характерным названием «Отсталая Европа и передовая Азия»: «В цивилизованной и передовой Европе, с ее блестящей развитой техникой, с ее богатой, всесторонней культурой и конституцией, наступил такой исторический момент, когда командующая буржуазия, из страха перед растущим и крепнущим пролетариатом, поддерживает все отсталое, отмирающее, средневековое... В Азии везде растет, ширится и крепнет могучее демократическое движение. Буржуазия там еще идет с народом против реакции. Просыпаются к жизни, к свету, к свободе сотни миллионов людей». И эту точку зрения Ленин сохранил до конца жизни, последовательно отстаивая ее на конгрессах Коммунистического Интернационала.

Русский философ права Н. Н. Алексеев назвал эту антиимпериалистическую теорию Ленина «евразийским марксизмом», противопоставляя его «европейскому марксизму» Маркса и вождей Второго Интернационала. Думается, в этом есть большая доля истины, и если Ленин открыто этого не признавал, то только потому, что он не хотел прямо «подправлять» Маркса, стремясь придать своей интерпретации вид строгого следования Марксу. «Евразийский марксизм» Ленина стал базой для «азиатского марксизма», например, в лице «теории трех миров» Мао-Цзедуна.

Важно заметить, что эти взгляды Ленина были логическим развитием его концепции революционности крестьянства, которую он высказал в 1905 году. От признания русского крестьянства революционной силой, а русской городской буржуазии – силой реакционной, склонной к компромиссам с самодержавным государством, Ленин шагнул к признанию всего неевропейского крестьянства и городской мелкой буржуазии революционной силой, борющейся с западным империализмом, а западной буржуазии – силой реакционной, не только занимающейся ограблением неевропейских колониальных стран, но и разращением своего отечественного европейского пролетариата. В свою очередь ленинская теория империализма дает правдоподобное объяснение того факта, что городская буржуазия в рамках России реакционна. Фактически, по Ленину, это объясняется тем, что российская городская буржуазия тесно связана с западной буржуазией, то есть является составной частью западной системы империализма. Не успев родиться, российская городская буржуазия, так сказать, состарилась, стала такой же перезрелой

и загнивающей, как и империалистическая буржуазия Запада. По сути, Ленин здесь предвосхищает один из главных тезисов русских евразийцев 1920-х годов (Н. С. Трубецкого, П. Н. Савицкого, Н. Н. Алексеева и др.) о том, что Россия дореволюционная была расколота на два враждебных лагеря: прозападный буржуазный город и антизападное, национальное, близкое по своему характеру к Востоку село. Только, конечно, Ленин это выражает на языке марксизма. Согласно Ленину, российский буржуазный город есть «русская Европа», а российское мелкобуржуазное село – «русская Азия», борьба русского пролетариата против национальной городской буржуазии в союзе с крестьянством есть отражение всемирной борьбы мелкобуржуазной угнетенной Азии против империалистической буржуазии Запада в союзе с западным пролетариатом.

Рассмотрим еще один аспект евразийского марксизма Ленина, который был им разработан непосредственно перед смертью, в статьях 1923 года («О нашей революции», «О кооперации») и который до сих пор недостаточно изучен. Речь идет о ленинской концепции особого пути России к социализму.

Общеизвестно, что идею о том, что Россия может идти к социализму своим путем, не предполагающим развитие национального капитализма, впервые высказали те же русские народники. Они считали, что базой для социализма в России может стать крестьянская община, которая давно уже была разрушена на Западе в ходе становления западного капитализма, но которая сохранилась в России вплоть до XIX века. Маркс и Энгельс в 1880-е годы активно высказывались по этому поводу. Энгельс, посвятивший этой теме статью «О социальном вопросе в России», занял однозначную позицию – русская община не есть некая специфика русской национальной культуры, подобные общины существовали некогда везде – от Германии до Индии – и представляли собой пережиток первобытнообщинного строя. В России община просуществовала дольше всего, так как, по мнению Энгельса, этому способствовали климатически-географические условия России и общая отсталость ее экономики. Однако и здесь с развитием капитализма общину ждет общая судьба: она распадется, и большая часть вышедших из нее крестьян волеется в пролетариат и включится в борьбу этого класса за социализм. Маркс в этом вопросе испытывал определенные колебания. Сначала в неотосланных черновиках ответа Вере Засуриной, опубликованных после его смерти, он утверждал, что описанный в «Капитале» путь становления капитализма касается только стран Запада и что «если Россия будет продолжать идти по тому пути, по которому она следовала с 1861 года, то она упустит наилучший случай, который история когда-либо предоставляла какому-либо народу, и испытает роковые злоключения капиталистического строя». Но затем в 1882 году в предисловии ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» он соглашается с Энгельсом в том, что даже если в России и произойдет революция, то полноценный (читай: «цивилизованный», западный) социализм Россия сможет построить только в случае скорой революции в развитых странах Запада и помощи победоносного западного пролетариата: «Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополняют друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития».

Ленин, который, начиная с 1905 года, не устал повторять, что Россия в значительной степени страна мелкобуржуазная, крестьянская, и что большая часть населения России стремится лишь к буржуазно-демократической революции, свержению власти помещиков и царя, был здесь полностью согласен с Марксом. Даже в Октябре 1917 года речь у Ленина не идет о построении социализма в России без помощи западного пролетариата. Обратившись к высказываниям Ленина тех лет, можно легко убедиться, что Октябрьскую революцию Ленин тогда рассматривал лишь как начало всемирной революции. В «Советах постороннего» он писал: «Успех и русской, и всемирной революции (курсив мой – Р.В.) зависит от двух-трех дней борьбы». Даже уже в 1920 году, в «Детской болезни левизны в коммунизме» Ленин провозглашал: «Русский образец показывает всем странам кое-что, и весьма существенное, из их неизбежного и недалекого будущего». То есть и через три года после начала русской революции Ленин был убежден, что всеевропейская и всемирная революция – дело

«неизбежного и недалекого будущего».

То есть ни о каком особом пути развития России в стороне от развития Европы Ленин не помышлял даже в 1920 году. Он считал, что мировую революцию возглавит вовсе не русский пролетариат и не русские коммунисты, которые составляют лишь небольшой островок, окруженный морем русской «сельской мелкой буржуазии» (как Ленин понимал крестьянство), которая строить социализм не хочет, да и не сможет. Авангардом мировой революции, по Ленину, должен стать лишь пролетариат Запада и западные коммунисты, которые затем помогут «отсталой», крестьянской, «мелкобуржуазной» России перейти к «цивилизации» и к высшему ее выражению – социализму и коммунизму.

Но в 1923 году его мнение изменяется. Ленин, будучи трезвым политиком, наконец-то понял: скорой революции в Европе и в США не будет. Что же теперь делать большевикам, которые взяли власть в аграрной России? Мысль Ленина напряженно заработала, пытаясь решить проблему: возможно ли строить социализм без помощи победоносного западного пролетариата в аграрной западной стране? Решением стала концепция особого пути России к социализму, которую Ленин изложил в статье «О нашей революции» (ответ Н. Н. Суханову).

В ней Ленин не отрицал того факта (который был точкой отсчета для марксистских европоцентристов, в том числе и Суханова), что Россия начала XX века, по сравнению со странами Запада, все же была экономически слаборазвитой, мелкокрестьянской страной. Россия в 1923 году не имеет базиса для строительства социализма, потому что таким базисом должно быть не патриархальное мелкобуржуазное крестьянство, существующее в России, а индустриальный цивилизованный пролетариат. Но при этом Ленин издается над догматизмом европоцентристов-меньшевиков: «...Даже чисто теоретически у всех них бросается в глаза полная неспособность понять следующие положения марксизма: они видели до сих пор определенный путь развития капитализма и буржуазной демократии в Западной Европе. И вот они не могут себе представить, что этот путь может быть считаем образцом *mutatis mutandis* (с соответствующими изменениями – Р.В.), не иначе, как с некоторыми поправками (совершенно незначительными с точки зрения общего хода всемирной истории)». Само географическое положение России, расположенной на границе Европы и Азии, по Ленину, предопределяет ее **особый, отличный от западноевропейского, путь к социализму**: «...им (меньшевикам – Р.В.) не приходит, например, и в голову, что Россия, стоящая на границе стран цивилизованных и стран... всего Востока, стран неевропейских, что Россия поэтому могла и должна была явить некоторые своеобразия, лежащие, конечно, по общей линии мирового развития, но отличающие ее революцию от всех предыдущих западноевропейских стран и вносящие некоторые частичные новшества при переходе к странам восточным». Далее, Ленин разъясняет, какие своеобразия русского пути к социализму он имеет в виду: «Что если полная безвыходность положения, удесятая тем силы рабочих и крестьян, открывала нам возможность иного перехода к созданию основных посылок цивилизации... Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры... то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя двинуться догонять другие народы». И в конце Ленин, надсмехаясь над своими оппонентами, заявляет, что своеобразия русского пути покажутся им еще очень скромным, если им доведется увидеть революции в странах Востока, где народы пойдут к социализму куда более экзотическим и неожиданным путем: «Нашим европейским мещанам и не снится, что дальнейшие революции в неизмеримо более богатых населением, неизмеримо более богатых разнообразием социальных условий странах Востока будут преподносить им несомненно больше своеобразия, чем русская революция». Приходится только удивляться прозорливости этого гения политики, который в далеком 1923 году предчувствовал шокирующие особенности китайского и корейского пути к социализму.

Итак, в 1923 году Ленин, который всегда едко высмеивал народнические теории особого пути России к социализму как бредовые и противоположные им марксистскую доктрину одного единственного пути к социализму и России, и Запада (за исключением того случая, если сразу вслед за революцией в России произойдет революция на

Западе), вдруг тоже заговорил об «особом пути России». Конечно, Ленин полностью не повторял народников. Согласно народникам, Россия должна строить свой социализм, опираясь на крестьянскую общину и работную артель. Ленину же до конца жизни оставалась чуждой народническая тенденция идеализировать общину. Строить социализм в России по Ленину должны не проникнутые социалистическим духом крестьяне, а государство, ядро которого составляет коммунистическая партия, состоящая из революционеров-интеллигентов и сознательных пролетариев. Русский социализм, согласно ленинизму, – не крестьянский, а этактистский.

Причем, путь превращения крестьян (мелких буржуа) в социалистических работников – это путь распространения кооперации, прежде всего в деревне, но также и в городе, где есть свои мелкобуржуазные элементы. Ленин пишет: ««Раз государственная власть в руках рабочего класса... у нас действительно, задачей осталось только кооперирование населения. При условии максимального кооперирования населения само собой достигает цели тот социализм, который ранее вызывал законные усмешки... со стороны людей, справедливо убежденных в необходимости классовой борьбы». Ведь кооператив, рассуждает Ленин, с одной стороны, предполагает удовлетворение частного интереса каждого из его членов, и в этом смысле он привлекателен для мелкого буржуа, с другой стороны, он предполагает взаимопомощь, и в этом смысле он воспитывает из мелкого буржуа пролетария – свободного соучастника общего солидарного труда. Кооператив, действительно, –

наиболее понятный путь к социализму для крестьянина. Поэтому первоочередная задача такого государства – кооперирование села. Любопытно, что здесь Ленин по-своему учится у народников. Первыми о роли кооперации для построения социализма в России также заговорили народники, и в этом смысле влияние их на Ленина очевидно.

Подведем итоги. Марксизм был создан как идеология для революций в странах Запада. Основоположники марксизма были твердо убеждены, что подлинная социалистическая революция может и должна произойти лишь в Европе или в США, где капитализм развивался до самой последней своей стадии. Россию они воспринимали как отсталую страну, стоящую на полпути между застывшим в тысячелетнем оценении Востоком и «прогрессивным» Западом.

Ленин же был марксистом, который родился и вырос в неевропейской стране. Он страстно желал ближайшего наступления революции. Он рано осознал, что западный пролетариат теряет свою революционную энергию, а западная социал-демократия идет на примирение с западной буржуазией. В то же время, сначала на примере революции в России, а затем и национально-освободительного и социального движения в азиатских колониях Запада, он понял, что главнейшей революционной силой XX века становится крестьянство стран периферии мирового капитализма – России, Индии, Китая и т.д. И он создал свою собственную версию марксизма, которая была идеологией не для западных, а для восточных революций. Более того, он наметил путь развития стран периферии капитализма, в которых уже произошла победоносная революция, предполагающий сильное однопартийное государство и кооперирование широких слоев крестьянства. По этому пути вслед за Россией пошли Китай, Северная Корея, Вьетнам, Лаос, Куба. Даже после падения СССР и без учета Венесуэлы и Боливии, начавших строить свой социализм уже в XXI веке, на сегодняшний день в странах социализма проживает 1,5 миллиарда человек, то есть четверть населения Земли.

Теперь уже, кажется, становится ясным, что насколько капитализм гармонирует с ментальностью западных народов, благополучно трансформировавшей радикальный марксизм в розовый социал-демократизм, настолько социализм соответствует ментальности народов Востока, а также русского народа, совмещающего в своей культуре черты культур Запада и Востока. Драма нового либерального эксперимента в России конца XX века убедительно показала, что возрождение нашей страны возможно лишь при возвращении ее на путь социализма. Вместе с тем, очевидно и то, что это будет не возвращением к застывшей в мертвенных формах идеологии советского «марксизма-ленинизма». Думается, идеология будущей социалистической России еще в большей мере будет напитана интенциями почвенного евразийского социализма.



Израэль Шамир Прощай, Страсбург!

Россия стала членом Совета Европы в 1996 году, в один из самых мрачных периодов своей тысячелетней истории, когда пьяный Ельцин в Кремле вел страну прямо на рифы дефолта по воле своих западных советников. Кроме расходов, Россия не получила никакого удовольствия от своего членства в этом клубе. Она по всей своей сути не принадлежала к Западной Европе, задающей там тон.

«Инаковость» России в этой организации проявлялась из года в год. Они – члены НАТО, военного союза, изначально направленного против России. Они осуждали Россию за Чечню и Грузию, но поддерживали американскую агрессию в Югославии, Ираке и Афганистане.

Такой же неудачей оказались заключенные еще при Брежневых Хельсинские соглашения. Они, казалось бы, гарантировали неизменяемость европейских границ, но эти гарантии испарились, как только США захотели создать самую крупную военную базу в Европе на земле Косова. Созданная на основе Хельсинских соглашений ОБСЕ мало чем отличается от Совета Европы по своей антирусской направленности.

В 2009 году ассамблея парламентов ОБСЕ приравняла Советский Союз к нацистской Германии, заявив, что сталинский и гитлеровский режимы равно ответственны за геноцид и преступления против человечества. Российские лидеры думали о возможности ухода из этой организации и в связи с Чечней, и в связи с Грузией. В 2009 году на заседании Совета безопасности России президент Медведев высказался в том смысле, что, мол, надо будет выйти из Совета Европы — выйдем. Сейчас, когда решение суда в Страсбурге о гей-парадах показало, что Россия и Европа не на той же странице, и не в той же книге, возник отличный повод для элегантно ухода России.

Русской православной церкви следует лоббировать этот уход, иначе в скором времени ей придется венчать «геев» в своих храмах. Российскому руководству следует его реализовать, чтобы не опасаться политизированного правосудия колонизаторов «а-ля Милошевич». Народу России нужно потребовать ухода во имя сохранения своей цивилизационной самобытности.

Почему России там не место?

В Иерусалиме даже новые дома обычно стоят на старых фундаментах. Фундаменты уходят так далеко в глубь веков, что людям не по силам их заменить. И мы видим дома двадцатого века, корни которых уходят в далекое прошлое, во времена Христовы. Так устроен и наш мир. Когда-то стояли два мощных дома – Западная Римская Империя, или попросту Рим, и Восточная Римская Империя, она же Византия. Хоть домов сейчас и нет, но фундаменты их сохранились.

На этих фундаментах возникли две цивилизации – Восток и Запад. Запад – католический и протестантский, а Восток – православный и мусульманский. Запад – активный, Восток – созерцательный. Запад сумел себя объединить, а Восток остался разрозненным (не без помощи Запада). Западная Европа объединена в Европейский Союз, двусторонними договорами и через посредство НАТО с Европой соединены США. Хотя легионы Цезаря не ступали на землю Америки, США считают себя духовным преемником великого Рима, и, пользуясь этим мандатом, организуют мир.

Есть наследники и у Византии – настало время интегрироваться с им. Основные земли Византии перешли к Османской империи, и затем к ее преемницам – Турции, Греции, странам арабского Востока. Но был у Византии и духовный преемник – великая Россия, а в наши дни – Россия, Украина и Беларусь.

Запад не прекращал своих попыток подчинить себе Восток и навязать ему свои взгляды и ценности. Эти попытки были и военными, и мирными. Крестовые походы против мусульман в Палестине и Сирии, а затем и против православных в Константинополе и древней Руси сочетались с попытками мирного захвата. Таковой была навязанная Византии Флорентийская уния. Попыткой подчинить Восток силой оружия был и поход Гитлера на Советский Союз, и расчленение Османской империи в ходе первой мировой войны. Сейчас происходит попытка мирного захвата. Совет Европы – это Флорентийская уния наших дней.

Но фундаменты наших домов остались целы. Поэтому Россия может уйти не одна – с ней могут уйти из сонма европейских организаций и прочие преемники Византии: Греция и Турция, балканские страны и ближневосточные арабские государства. Вместе они смогут создать полноценный Восточный союз, со своей ассамблеей и своими общими органами, включая собственный суд. Речь не идет о создании единого государства, федерации или даже конфедерации – но об интеграции этих стран в единый союз наподобие Европейского Со-

дружества образца 1955 года. Об этом стало возможно говорить только сейчас, когда Турция вышла из-под жесткой израильско-американской опеки и отвернулась от Запада.

Страны Востока отличаются от стран Запада и по своему отношению к религии. На Западе церковь гибнет и чахнет, а на Востоке вера сильна, несмотря на десятилетия гонений. Так, в Турции достигнуто прекрасное равновесие между религией и свободами. Кто хочет, может пойти в величественно отреставрированную османскую мечеть и помолиться, а кто хочет – завернуть в кафе и выпить замечательного турецкого вина. Женщины не обязаны ни отказываться от платков, ни носить одежду с закрытыми руками. То же и в России – православная церковь упрочила свое положение, храмы отрестроены, и в то же время нет и религиозного диктата.

Поэтому можно и нужно выйти из современной Флорентийской унии и вернуться к независимости Востока. А независимость – это и независимость суда. Даже если процесс интеграции Востока займет годы, свой суд эти страны могут образовать хоть завтра – на одном из островов между Грецией и Турцией, или в старинном Чернигове, или в другом месте.

А после этого отношения с Европой станут подлинно равноправными – и более дружественными. Ведь у каждого будут свои преимущества. Находясь рядом, в добрососедских отношениях, Восток с его интеграцией, целостностью, коллективизмом, духовностью и Запад с его чистотой, порядком, защитой индивидуума, обустроенностью смогут продолжать влиять друг на друга, не заставляя соседа выстраиваться по своему образцу. Ведь и в Европе не все в восторге от гей-парадов, массовой иммиграции, телекамер на углах, компьютеризованной слежки, а эти разнообразнейшие явления плавно слились в одну парадигму, утверждаемую новыми господами мира через посредство американской армии и европейских институций.

Почему решение о гей-парадах неприемлемо?

Не для того надо выйти из европейских организаций, чтобы российское правительство смогло беспрепятственно ограничивать свободы и нарушать права человека. Наоборот: Совет Европы и аффилированный с ним суд в Страсбурге не заботятся о соблюдении прав человека и демократических норм в России. Они не возвысили свой голос, когда Ельцин растерялся из танков законно избранный парламент. И в наши дни, хотя право на демонстрацию в России крайне ограничено, европейские организации не выступают на защиту.

Вместо того, чтобы отстаивать свободу собраний и демократию в России, европейский суд в Страсбурге решил защищать «право геев на проведение гей-парадов» – тут следовало бы взять в кавычки каждое слово. Это «право», как и прочие слова, не понятны вне контекста, вне доминантного нарратива современного либерального Запада, по которому якобы существует некоторая особая группа людей, «геев», предпочитающих по своему генетическому коду однополый секс, но кроме этого ничем не отличающихся от прочих. Эти «геи» тоже хотят жениться и создавать семьи, тоже любят и страдают. Они такие же, как все, только любят на свой манер, и им надо обеспечить все права и особую защиту, чтобы их не притесняло большинство.

Этот нарратив не уникален. По одному и тому же образцу уже много лет Запад штампует меньшинства, которые якобы существуют, находятся под угрозой от агрессивного большинства и нуждаются в защите. Русский читатель может вспомнить «выродков» Стругацких («Обитаемый остров») – меньшинство, генетически устроенное таким образом, что не вписывается в тоталитарное государство. Вампиры Пелевина («V Empire») – тоже меньшинство, гонимое, но не безобидное. Национальный дискурс принадлежит к этому же разряду. С его помощью Греция была оторвана от Османской империи, а Украина – от России. В его рамках провозглашается, что евреи или ингерманландцы – особое чудесное меньшинство, которое надо защищать, и кто его лучше защитит, чем Запад, Америка, а в перспективе – мировое правительство?

Одна из целей этого приема – подрыв интегральности, связности мира. Миром, в котором есть много меньшинств, боящихся большинства, легче управлять с помощью методов «управляемой демократии». Эти меньшинства становятся союзниками тюремной администрации, правящей «большой зоной», в которую превращается наш мир. До привнесения этого дискурса на Восток на штыках «Голоса Америки» наш мир был куда более интегрирован.

Еще в СССР 1960-х годов евреи не ощущали себя чуждыми элементами. Иосиф Бродский по приезде на Запад удивлялся тому, что в Америке евреи отделены от прочих, в то время как в Питере

евреи были вполне интегрированы.

То же касается и однополых секса. Люди, которых привлекала молодежь своего пола, никогда не считали себя особой категорией. Петр Ильич Чайковский или Сергей Параджанов не вышли бы на гей-парад, не вступили бы в общество защиты «геев», не стали бы настаивать на праве «геев» венчаться в церкви. Они, конечно, не были «геями». Ведь «гей» – это не биология и не физиология, это социологическая категория, возникшая в атомизированном городском западном обществе на фоне коллапса традиционной семьи и традиционных гендерных ролей.

Так же не были геями Жан Жене или Генрих Гейне, хотя один поэтизировал проститутку и убийцу мужского пола, а другой – прелести детских округлостей. Можно одобрять или не одобрять их увлечения, можно относиться к ним с отвращением или восхищением, но они не относили себя к гонимому меньшинству, которое мечтает о равных правах.

Сексуальность – частное дело, которому место в спальне, а не на площади. Обсуждать ее можно в кабинете у врача или на исповеди. Гей-активисты навязывают нам публичное обсуждение этой темы, пиарят себя и свой образ жизни, вносят раздор в общество, пытаются создать еще одно «меньшинство», автоматически стоящее на стороне возникающего мирового правительства. Лужков был прав, отказывая им в площадке для пиара.

Для Востока гей-активизм еще менее приемлем, чем для Запада, потому что восточное общество сохранило свою сакральную основу. Гомосексуализм старше человеческого рода, и ежедневно наблюдается у собак и обезьян. Его замечали Петроний и Боккаччо. Пока в личной сфере он вызывает максимум усмешку. Но в публичной сфере он, как и другие биологизмы, заведомо, вызывающе профанен для религиозного сознания. Враги рода человеческого, египетский Сет и японский Суа-но-О, сатанисты и кроулианцы, совершая гомосексуальные акты публично, таким образом пародировали божественное, изначальное, мистическое соединение мужского и женского начал, известное христианам по чуду Благовещения.

Зная опыт Запада, не приходится сомневаться, что после победы гей-парадов гей-активисты начнут борьбу за церковные браки. Хотя новый тоталитарный «либерализм» выдает себя за свободное, индифферентное по отношению к сакральной движению, на деле он стремится профанировать мир. Ударный отряд либерализма – гей-активисты – энергично отстаивают свое «право на брак», чтобы профанировать святость брака. Так злые колдуны и ведьмы «венчали жида с лягушкой» в балладе Пушкина.

Борьба с гей-парадами, гей-браками и прочими публичными манифестациями сексуальности носит вынужденно характер арьергардных боев. Она не обращается к источникам проблемы, связанным с новыми формами организации труда и быта. Развал семьи, вовлеченность женщин в производство, равная оплата мужчин и женщин, предпочтение, оказываемое женщинам во многих областях хозяйства, слом традиционных гендерных ролей требуют серьезного отношения, и не могут быть исправлены без радикальных изменений в обществе. Но пока на данном этапе нам приходится ограничиться сдерживающими охранительными мерами.

Возможно ли это?

Хотя мы привычно говорим, что «Флорентийская уния была навязана Византии», несомненно, в Византии было немало искренних и подлинных ее сторонников, которые хотели отказаться от своей самобытности и встроиться в окормляемый Римом западный мир. Сторонников вписаться в западный порядок в современной России на порядок больше. Мы узнаем их по их поддержке американской интервенции в Ираке и Афганистане, по их энтузиазму в отношении Израиля, по их стремлению загнать Россию в НАТО и ВТО, переформатировать ее армию и систему образования по западному образцу.

Для них поддержка гей-парадов – ритуальное требование, которое, может быть, не нравится, но выполнять-то его надо.

И все же нужно смотреть вперед с оптимизмом. В русском обществе есть и здоровые силы, как в православной церкви, так и в местном русском исламе, да и в светской части общества. Ведь в России воцерковленные не отделены от прочего населения страны невидимой стеной, как на Западе, и они могут влиять на умы и настроения. Впереди серьезная борьба, но, если знаешь, чего добиваться – этого можно добиться. Выход из европейских институций и создание общих для пост-византийского Востока организаций – это направление, в котором нужно работать.



Дмитрий Лысков

Меры по разрешению продовольственного кризиса: карточки, реквизиции, продразверстка

Вот какие выводы сформулировал Кондратьев: общественное мнение выступало за создание национального регулирующего продовольственного органа на началах ведомственного и общественного представительства, обладающего широкими полномочиями. Представители городов, кооперативов и, отчасти, земств предлагали радикальную программу – распространить принципы регулирования на все отрасли хозяйства. Более умеренную позицию занимали лишь торгово-промышленные круги, которые в целом не возражали против государственного регулирования, но робко говорили об опасности убить частную инициативу.

Нельзя даже сказать, что общественное мнение России легко отказывалось от рыночных принципов. Анализ прессы показывает, что этих принципов просто не существовало в сознании имущих классов – выход из кризиса они видели в государственном регулировании.

Что же делало правительство? С первых месяцев войны оно приступило к созданию государственной системы снабжения продовольствием. Это важный момент: в развитом капиталистическом обществе скорее следовало бы ожидать, что подряды на эту деятельность будут распределены между несколькими крупными коммерческими компаниями.

Существовавшая на начало войны в России система снабжения армии выглядела следующим образом: вопросами заготовки и распределения продуктов ведали одновременно окружные интенданты фронта, командующие армиями, командующие военными округами, а также сельская продовольственная часть Министерства внутренних дел.

В дополнении к ним 1 августа 1914 года Совет министров постановил задачи по закупке и заготовке сельскохозяйственных продуктов для военных нужд возложить на Главное управление землеустройства и земледелия (с 1915 г. Министерство земледелия). Осуществление этой задачи предполагало наличие разветвленного местного аппарата, непосредственно ведавшего закупками. Региональная структура Управления складывалась из особых окружных уполномоченных, губернских уполномоченных и чиновников ведомства земледелия на местах.

Интересно, что в своей деятельности Управление исходило из задачи работать непосредственно с производителем, минуя посредников. В регионах активно создавалась сеть государственных сыпных пунктов для хлебов, альтернативная коммерческой. Эта схема давала, с одной стороны, выгоду в цене и поддерживала производителя, но с другой – наносила удар по крупному частному рынку продовольствия, который или дублировала, или замещала.

Понятно, что при отсутствии единоначалия несколько структур, занятых одним и тем же делом, если и не мешали друг другу, то явно не способствовали слаженной и продуманной работе. Дополнительные трудности создавал нарастающий транспортный хаос. В этих условиях правительство пошло на создание двух координирующих структур – Совещания при главном интендантстве для координации заготовок военного ведомства и Центрального комитета по регулированию массовых перевозок, в сферу ответственности которого входило обеспечение бесперебойного снабжения по железным дорогам.

Координация получилась мнимой. Военные структуры не подчинялись гражданским, а гражданские – военным. Попытка излечить симптомы прогрессирующей болезни путем создания Центрального комитета по регулированию массовых перевозок явилось типичным ответом бюрократического аппарата на возникающие вопросы: если железнодорожные перевозки приносят в расстройство, нужно создать отдельную канцелярию, регулируемую железнодорожными перевозками.

Нарастающий хаос требовал дальнейшего совершенствования структуры: 16 марта 1915 года решением Совета министров на министра торговли и промышленности было возложено общее руководство продовольственными организациями. С этой целью при министерстве был создан Главный продовольственный комитет. Роль его в истории осталась неопределенной. К руководству он так и не приступил, хотя какую-то деятельность, видимо, все же осуществлял. Скорее, к многообразию продовольственных органи-

заций добавилась еще одна, внесшая в общую работу дополнительную сумятицу.

Наконец, 17 августа 1915 года было создано «Особое совещание по продовольствию» – государственный орган с широкими полномочиями, призванный навести порядок в подведомственной ему сфере. Совещание имело право требовать от лиц, предприятий и учреждений необходимые для него сведения, налагать секвестры, проводить реквизиции, осуществлять осмотр торговых и промышленных заведений, требовать предоставления торговых книг и документов, устанавливать способы заготовки, распределения, торговли продуктами, отменять постановления других учреждений о заготовке продуктов и т. д.

27 ноября 1915 года «Особое совещание по продовольствию» получило право устанавливать предельные цены на продукты продовольствия.

Таким образом, «Особое совещание» вне театра военных действий становилось высшим регулирующим органом в области продовольственного снабжения.

Но достигнутое единство управления во многом оставалось таковым лишь на бумаге. Другие продовольственные организации не были непосредственно подчинены «Особому совещанию». Не были они и расформированы, продолжая свою деятельность. Совещание могло отменить их решения, но лишь там, где имело о них достоверную информацию. «Особому совещанию» требовалась собственная разветвленная сеть на местах.

25 октября 1915 года были созданы должности местных уполномоченных «Совещания». Далее под их руководством создавались губернские, областные и городские совещания. По постановлению 1916 года к ним прибавились и совещания районные. Нетрудно заметить, что в целом «Особое совещание по продовольствию» выстраивало свою структуру, дублируя региональную сеть Министерства земледелия.

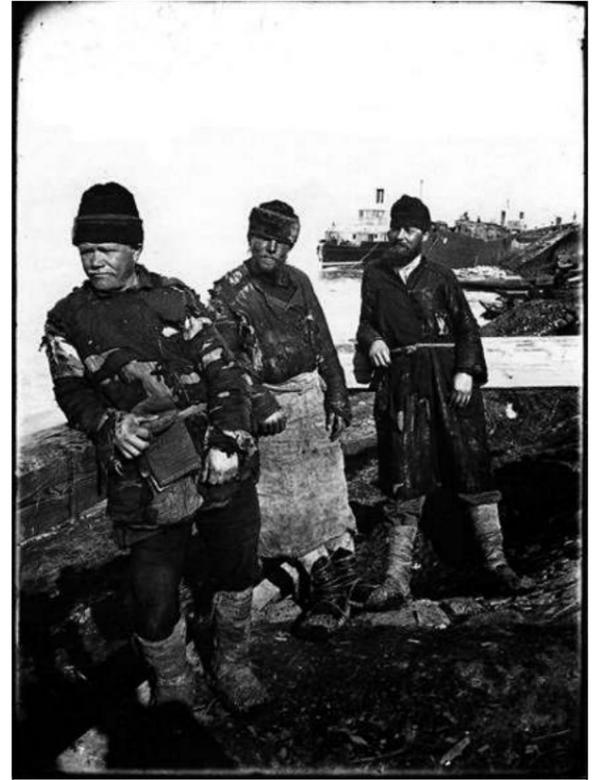
Ясно, что государственная политика в вопросе продовольственного снабжения развивалась в направлении все большей централизации. Точку в этом так и не завершеном процессе поставила Февральская революция, осуществившая «демократизацию» сферы заготовки и снабжения, вполне сравнимую по разрушительному эффекту с «демократизацией» армии.

Вернемся, однако, к периоду начала войны и возникновения продовольственного кризиса. Наравне с государственными учреждениями, на местах по инициативе местного самоуправления шел процесс создания регулирующих органов с неясными, не оговоренными законом полномочиями. Их главная цель – борьба с дороговизной в городах, названия – самые разнообразные, например, «Особая комиссия по борьбе с дороговизной», «Продовольственная комиссия», «Обывательский комитет» и т. п.

Анкетирование, проведенное Союзом городов в 1915 году, показало, что из 94 городов в 49 (52,1%) уже существовали местные продовольственные комитеты. В их состав входили представители государственной администрации, гласные городских дум, члены городских управ, представители земств, кооперативов, рабочих организаций.

В мае-июне 1916 г. была предпринята попытка объединить местные продовольственные органы под единым руководством – путем создания «Центрального комитета общественных организаций по продовольственному делу» («Центрако»). Им был, к примеру, разработан план продовольственных мероприятий для земств и городов на ноябрь 1916 – январь 1917 г. Однако официального признания работа Комитета так и не получила, а намеченный на декабрь 1916 года Всероссийский продовольственный съезд был запрещен властями.

Однако именно эти местные органы с конца 1914 – начала 1915 г. начали вводить в городах Российской империи карточную систему распределения продовольствия. Первоначально их деятельность носила хаотичный характер. Среди мер регулирования органами местного самоуправления применялись ограничение отпуска товаров в одни руки; отпуск товаров по разрешению (по «талонам», которыми могли выступать как удостоверения личности с пропиской в данном населенном пункте, так и другие местные документы); распределение продуктов по карточкам; отпуск товаров по смешанной схеме.



Нижегородские «босаки»
Фото Максима Дмитриева

По мере усугубления экономического кризиса происходила все большая унификация мер по распределению продовольствия. По данным опроса местных уполномоченных «Особого совещания», проведенного в июле 1916 года, карточная система существовала в 99 районах империи, из них в 8 случаях она охватывала весь район (как правило, речь шла о наиболее нуждающихся губерниях), в 59 случаях охватывала отдельные города, в 32 случаях – уездные города вместе с уездами.

Учитывая, что карточная система зародилась в России «снизу», а инициаторами ее введения были органы местного самоуправления, на местах она отличалась большим разнообразием. Так, Кондратьев отмечает: «Карточки устанавливаются или индивидуальные, или чаще коллективные, т. е. на семью, квартиру, учреждение, организацию, предприятие. Индивидуальные карточки бывают или именные, или на предъявителя. Коллективные карточки всегда именные. Карточки обычно содержат талоны по одному, два, три и даже шести на месяц или некоторое число талонов на неопределенный срок. Иногда карточки предназначаются каждая для определенного продукта, иногда у одной и той же карточки имеются талоны на несколько продуктов. Эти продукты или определенно указаны, или нет. Иногда карточкам для определенного продукта, в особенности часто для сахара, придается как бы символическое значение и по ним распределяются различные другие продукты».

Серьезным недостатком карточной системы, которая складывалась в России в 1914-1916 годах, был ее разрешительный характер. Это означало, что карточка давала предъявителю право на приобретение определенного набора продуктов, но не гарантировала сам факт приобретения – этих продуктов просто могло не оказаться в наличии.

По мере усугубления продовольственного кризиса и под давлением общественного мнения система претерпевала трансформацию в сторону уравнительного характера, когда под наличием количества продовольствия выпускалось определенное количество карточек. В этом случае потребитель получал гарантированную долю продовольствия. Однако вплоть до Февральской революции эта трансформация не была завершена. Лишь после революции Временное правительство пошло навстречу общественным требованиям о введении единой государственной системы регулирования распределения и потребления. Другой вопрос – в какой мере эти задачи удалось реализовать уже Временному правительству.

Продолжение следует ...



Дмитрий Пучков

«Брестская крепость»

Кто-кто, а Бацька на память предков и историю своей страны гадить не позволяет категорически. Теплилась некоторая надежда, что получится хорошо. И, как ни странно, именно так и получилось. Есть мнение, именно благодаря белорусской стороне.

Фильм получился простой и безо всяких затей. Вот крепость, вот гарнизон, вот на нас вероломно напали немцы. Далее с невозможным для нынешних времён уважением к фактам показана оборона крепости. Естественно, главные действующие лица — советские командиры. Именно они руководят советскими солдатами, именно они — организующая и направляющая сила, именно они — непререкаемый авторитет. Солдаты не заламывают руки и не воют о судьбах несчастной России, а исполняют воинский долг.

Немцы показаны настоящими цивилизованными европейцами, то есть настоящими зверьми — каковыми они и были. Расстрелы мирного населения, убийство раненых, сожжение живых людей из огнеметов. Собственно, именно это и есть оккупация, а не идиотские танки под парусами. Именно это и есть война, а не страдания юродивых в стиле "до чего меня проклятый Сталин довёл".

Есть в фильме и дети. Нормальные, советские дети, а не уроды из помоев типа "Первый отряд". Нормальный советский пацан сражается рядом с военными, а не убегает, как крыса, при первой опасности.

Ну а когда добрый немец хотел дать мальчику конфетку, а советский пионер европейца без затей пристрелил — захотелось пожать создателям руки.

Невозможно поверить, но даже

Снято добротно. Стрельба, пулемёты, взрывы, бомбы — всё как надо. У всех солдат есть оружие, никто не делит "одну винтовку на троих". Да, при внезапном нападении запаниковали. Но тут же взяли

бомбёжки, нет молящихся мусульман. Три чеченца в углу тактично пляшут зикр, никому не мешая. Не бьются башкой об пол, а как пододбает мужчинам — готовятся к бою. И это правильно.

Отечественная театральная школа в фильме раскрыться не смогла. Нет ни одной истерики, нет истощенных воплей, нет идиотских, немотивированных поступков. Ни тебе "режиссёрских находок", ни оригинальных сценарных ходов. Вот она — война, вот он — ужас. А больше ничего и не надо.

Естественно, и тут не обошлось без дерьма. Естественно, и сюда всунули тему репрессий — причём туда, где никаких репрессий не было. Нетрудно догадаться, что это стараниями российской стороны. Но даже это фильм не портит.

Фильм тяжёлый. Наверно, впервые лет за 20 по-настоящему серьёзный и правильный. Люди в зале плачут. Потому что ни шутить, ни острить не хочется.

Фильм Брестская крепость надо смотреть.

Это хороший советский фильм.

Продюсеру фильма Игорю Угольникову — моё почтение.

Спасибо за фильм, за уважение к предкам.

oper.ru



оперативник НКВД показан человеком — в горячке боя потребовал у незнакомого командира документы, тут же затеял проверку и одержал убедительную победу. После чего вместе со всеми сражался и смерть принял как герой. И комиссар, по совместительству — коммунист и еврей, показан таким, каким и был реальный комиссар.

себя в руки и отважно сражались. Когда-то Никита Сергеевич хотел снять "ответ рядовому Райану", но вместо этого снял известно что. А тут получилось как надо, при бюджете в десять раз меньшем. И никто не рассказывал, что "все деньги на экране".

В фильме нет религии. Нет чудотворных икон, мироточащих после

Дмитрий Лысков

Об идеологических бомбах в фильме

В целом фильм «Брестская крепость» неплох. Он достоверен с исторической точки зрения. В нем нет свирепых НКВД-шников (есть героические), нет заградотрядов и комиссаров, прячущихся за спины бойцов. Героические комиссары есть, а вот прячущихся за спины — нет.

Однако в фильме заложены две идеологические бомбы, что вдвойне и тройне обидно, учитывая, что над фильмом действительно тщательно работали — других идеологических

и исторических ляпов замечено не было.

Так, в самом начале фильма, обсуждая возможное начало войны, офицер НКВД спрашивает: «Кто в крепости сеет панику в отношении войны с нашим **СОЮЗНИКОМ?**»

И второй, куда более серьёзный, вопиющий, резанувший ножом момент.

В самом финале, после сцен героической и трагической борьбы за кадром сообщается: «Майор Гаврилов, возглавивший защитни-

ков Брестской крепости, после освобождения из плена в 1945 году был, как и многие и многие, репрессирован. И лишь в конце 1950-х годов справедливость была восстановлена...»

Это откровенная ложь. Гаврилов НЕ БЫЛ РЕПРЕССИРОВАН. По освобождению из плена в 1945 году он был восстановлен в армии в прежнем звании. Единственное — до 1956 года, когда его наградили орденом Ленина и присвоили звание Героя Советского Союза, он не был

восстановлен в Коммунистической партии.

Вообще этот финал, полный трагизма, героизма и драматизма, куда «привязана» идеологическая фальшивка про репрессированного Гаврилова, портит все впечатление от просмотра фильма. Нельзя так обращаться со зрителем, это запрещенный прием. Нельзя вбивать в голову идеологемы в таком контексте. Позор.

users.livejournal.com

Редакция осуществляет прямую редакторскую подписку на газету без посредников. Это позволяет начать подписку с любого номера газеты и получать текущий номер сразу после осуществления платежа за подписку, а также иметь двустороннюю связь с редакцией.

Мы готовы к сотрудничеству с организациями и частными лицами в вопросах распространения газеты в любом регионе Российской Федерации. По всем вопросам, связанным с реализацией, рассылкой, доставкой, подпиской на газету, звоните по тел. редакции в Москве 8 926 559 5379, в Санкт-Петербурге 8 906 277 2338, в Кирове 8 922 903 3776.

Газета
«Точка Ру»
Зарегистрирована Федеральной службой по надзору за со-

блюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-26364 от 30 ноября

2006 года. Учредитель ООО «Точка Ру» Гл. редактор Шабунин Е.В. Адрес редакции 610002, Кировская обл., г. Киров, ул. Урицкого, д. 36/1 т. 8(922) 903-37-76

Цена свободная. Издаётся с марта 2007 года. выпуск № 14 (50) Печать офсетная. Объем 2 печатных листа. Тираж 2000

Заказ №239 Подписано к печати по графику 08.11.2010 в 10.00 по факту 08.11.2010 в 10.00 Отпечатано ООО «ФОР» г. Киров ул. Щорса, д. 64 тел. 503-660, 504-506

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов публикуемых материалов.

Факт отправления статьи в редакцию считается добровольным согласием автора на публикацию статьи.

Информацию по подписке и распространению можно узнать на сайте www.gazeta-to4ka.ru, а также написать письмо на redaktor@orossii.ru